

Роман Тименчик
Еврейский университет в Иерусалиме
suzirom@gmail.com

Roman Timenchik
The Hebrew University of Jerusalem
suzirom@gmail.com

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ АННЫ АХМАТОВОЙ (НИКОЛАЙ АСЕЕВ)

FROM NAMES INDEX TO ANNA AKHMATOVA'S NOTEBOOKS (NIKOLAI ASEEV)

Заметка, отталкиваясь от упоминания поэта Николая Асеева в записной книжке Ахматовой, проводит реконструкцию их литературных взаимоотношений.

Ключевые слова: Анна Ахматова, альбом, Николай Асеев.

The note on poet Nikolai Aseev mentioned in one of Akhmatova's notebooks, alludes to the reconstruction of their interrelations.

Keywords: Anna Akhmatova, album, Nikolai Aseev.

Поэт Николай Асеев единожды упомянут в своде рабочих блокнотов Ахматовой благодаря тому, что он был одним из вкладчиков ее альбома для стихов 1911–1934 годов. Альбом этот, впервые сравнительно подробно описанный Михаилом Мейлахом (Мейлах 1997: 32–39, уточненный вариант: Мейлах 2024: 241–260), был продан владелицей в Литературный музей в 1934 году и увиден ею снова после тридцатилетнего перерыва в Центральном государственном архиве литературы и искусства, куда было передано большинство материалов Литературного музея. После посещения ЦГАЛИ (ныне — РГАЛИ) ею сделана запись: «В Архиве мой альбом. Там стихи Адамовича, Мочульского, Радлова, кот<орые> я совершенно забыла (сатанизм) (я читаю стихи в «Брод<ячей> собаке»)» (Ахматова 1996: 424) —

о стихотворении Георгия Адамовича (1914) см. подробнее: (Тименчик 2023: 351–352). О стихах Константина Мочульского, «довольно бледных» (Вейдле 1993: 400) и, возможно, откликнувшихся в Первом посвящении к *Поэме без героя* см.: (Тименчик 2008: 433); о стихотворении Сергея Радлова «Ты вошла молчаливой, гибкой», финал которого «Но врагов бессильных, слышал я, / Не уведят даже и в плен», возможно, послужил толчком к ахматовскому зачину «Пленник чужой! мне чужого не надо. Я и своих-то устала считать» (Тименчик 1991: 165–167); о последней атрибуции см. проговорку Ахматовой в ее отзыве о С. Э. Радлове и характерном уэллериэме: «Я бедная, но мне чужого не надо, как говорят кухарки, когда что-нибудь украдут!» (Тименчик 1997: 87, 96).

2 февраля 1966 г., за месяц до смерти, она обдумывала план юбилейного издания в Лениздате *К 60-летию лит<ературной> деятельности (1907, «Сириус», № 2. Paris — 1967, февраль)*, куда намечалось бы включение стихов из альбома (Н. Асеев в этот список не вошел) — Сологуба, Радлова, Мочульского, Якубовича, Шилейко, Анрепа, Мандельштама, Курноса (Ахматова 1996: 707–708). О последнем персонаже следует сказать особо. Ахматова подарила ему *Четки*: «Ивану Григорьевичу Курносу от автора. Петроград. Июнь 1917» (хранится в Библиотеке Гарвардского колледжа). Именно ему без сомнения принадлежат инициалы «J. C.» под первым упоминанием имени Ахматовой на английском языке в октябре 1915 года: «exquisite poetess, who, though quite young, has already established a school» (Smith 2016: 265), он рассказал об утонченной русской поэтессе Ричарду Олдингтону (Тименчик 2014а: 335) и одним из первых стал переводить ее на английский — стихотворение «Зачем притворяешься ты...»:

The Call

When do you come masked
As the wind, as a stone, as a bird?
Why do you smile at me from the sky
In the dawn's flashing light?

Torture me no more,
Do not touch me;
Leave me to eloquent cares...

A drunken flame reels
On the dry grey bogs;
The Muse in torn shawl
Croons a sorrowful tune;

Her young cruel grief
Leads down tortuous ways,
Toward lyric valleys,
Where enchantment dwells.

(Cournos 1923: 64).

О Джоне Курносе (Коршуне) см.: (Тименчик 1994: 66, 70; Мейлах 1997: 46; Тименчик 2006: 238–242; Тименчик 2014b: 505–506). Из сочинений Мандельштама в этом проекте предполагались все его стихи из альбома, включая эпиграммы, в том числе и последнюю — 1934 года, «итоговую», замыкающую релевантную для образа Ахматовой «пчелиную тему» (Тименчик 1974: 44–46):

Привыкают к пчеловоду пчелы,
Такова пчелиная порода...
Только я Ахматовой уколы
Двадцать три уже считаю года.

О Борисе Анрепе из этого списка см.: (Мейлах 2024: 250–251; Тименчик 2024a: 604–642; Тименчик 2024b: 116–121); о Дмитрие Якубовиче: (Тименчик 2011: 136–145; Слепков, Турчаненко: 115–128).

Экзальтированный тон, вместе с высоким уровнем версификации и семантической насыщенности, для последующих вкладчиков-стихотворцев (не все из них предварительно знакомились с соседством — таков и Н. Асеев) задавал акростих дарителя самого альбомчика, Николая Гумилева:

Адис — Абеба, город роз.
На берегу ручьев прозрачных,
Небесный див тебя принес,
Алмазной, средь ущелий мрачных.
Армидин сад... Там пилигрим
Хранит обет любви неясной
(Мы все склоняемся пред ним),
А розы душины, розы красны.
Там смотрит в душу чей-то взор,
Отравы полный и обманов,
В садах высоких сикомор,
Аллеях сумрачных платанов.

См.:

«Нужно признать возможность “портретных” пейзажей, и не следует ли понимать пейзаж Адис-Абебы, как фон к портрету Ахматовой? Поэту, так любившему слово и так верившему в его чудотворную силу, достаточно было назвать имя, чтобы вызвать образ. Все остальное — только фон. На этом фоне, “в садах высоких сикомор и сумрачных платанов”, среди душевных красных роз, вырисовывается образ Ахматовой. Может быть, другой поэт свяжет ее образ с северным пейзажем, с березками Нестерова, со скорбными просторами Левитана, для него — субъективно — это будет также не случайный фон, это будет портретный пейзаж» (Голлербах 1925: 9–10).

Описание всего массива мадригалов как коллективного макротекста представляется следующим этапом изучения альбома.

Предлагаемая персональная заметка является частью пространного проекта по развернутому аннотированию имен, встречаемых в рабочих блокнотах Ахматовой (см., например (Тименчик 2021a: 623–644), поэтому,

например, оставивший свою подпись в альбоме Мстислав Валерианович Добужинский [Мейлах 2024: 242], автор обложки *Подорожника*, не названный в блокнотах, находится за границами данного проекта. Меж тем, следует указать как на его неоднократные встречи (и не встречи) с Ахматовой — см., например, его записи 1922 года: 4 января: «Ахматова подарила мне “21 год”»; 11 апреля: «у Замятина. Ахматова и Чуковский. Чуковский насчет кабака в Д<оме> Иск<усств>»; 7 августа: «Панихида по Блоку на Смоленском кладбище. Отсутствовали гг. литераторы, не было ни Кузмина, ни Ахм<атовой>, ни Волын<ского>, ни Замятина, ни Чуковск<ого>. Браз и Нотгафт» (Добужинский 1922: 4об., 20, 42), — так и на то, что читательская рецепция норовит увидеть его в строках «таинственный художник, избороздивший гофмановы сны» (Ахматова 1998: 950), в поистине «таинственном» месте ахматовского текста (Тименчик 2021b: 365). Ср. также его позднейшее сожаление: «“Современники” изображены Маковским необыкновенно живо и пишущий эти строки, знавший почти всех, кто упоминается в книге, может особенно оценить жизненность и правдивость этих изображений. Надо пожалеть, что в книгу не вместились “портреты” многих первостепенных поэтов тогдашнего времени: Блока, Гумилева, Кузмина, Гиппиус, Ахматовой, Сологуба» (Добужинский 1956: 298).

Асеев Николай Николаевич (1889–1963) — поэт, автор мадригала (Ахматова 1996: 69), записанного после их знакомства на вечере *Русского современника* 17 апреля 1924 г.:

Не враг я тебе, не враг,
 Мне даже подумать страх,
 Что к ветру речей строга.
 Ты видишь во мне врага!
 За этот высокий рост,
 За этот суровый рот,
 За то, что душа пряма
 Твоя, как и ты сама,
 За то, что верна рука,
 Что речь глуха и легка,
 Что там, где и надо б желчь—
 Стихов твоих сот тяжел,
 За страшную жизнь твою,
 За жизнь в ледяном краю,
 Где смешаны блеск и мрак—
 Не враг я тебе, не враг!

(опубликовано впервые после смерти Ахматовой (Асеев 1966)). См. рассказы Ахматовой П. Н. Лукницкому: «АА была на каком-то литературном вечере (?), здесь был Пастернак (?), который представил Асеева АА. Поговорили — несколько слов, из которых, по-видимому, Асеев решил, что АА “считает его врагом”, потому что на следующее утро он пришел к АА с этим стихотворением (написанным на бланке журнала “Резец” (?))» (Лукницкий 1997:

257; стихотворение написано на бланке журнала *Молодая гвардия* 18 апреля 1924 г.); «1924. 17 апреля. В Москве. Участвовала в вечере “Русского Современника” <...> На вечере виделась (познакомилась?) с Н. Асеевым» (Лукицкий 1997: 324); ср.: «У Ахматовой была «Полосатая тетрадь» с посвященными ей стихами. Помню, она извлекла ее и прочла стихи Николая Асеева (1924) “Я не враг тебе, я не враг” <sic!>, этакий жутковатый тост:

За страшную жизнь твою,
За жизнь в ледяном краю»

(Берестов 2000: 299);

«Я — виновница лучших стихов Асеева и худшей строчки Блока: “Красный розан в волосах”» (Чуковская 1997 b : 59) — ср. читательскую оценку блоковского мадригала, «этих столь заметно вымученных необходимостью ответить стихов» (Вейдле 1980: 257); «Футурист Н. Н. Асеев не мог устоять, чтобы в стихах, обращенных к Ахматовой, не воспеть ее верной руки, ее глухой и легкой речи. По свидетельству Харджиева, Маяковский строго выговаривал Асееву за эти стихи — либо Вы футурист, либо Вы акмеист» (Герштейн 2001: 553); «может показаться странным для “правовверного” лефовца, каким подчас изображают Асеева, но естественно для него как поэта. В этом стихотворном послании — уважение к мужеству поэтессы, которую не сломили страдания, она не покинула родину в трудную и для нее лично, и для всего народа годину социальных потрясений» (Мешков 1987: 104–105). Мотив «не врага» опрокидывает историю образа Ахматовой на страницах журнала *Лэф* и в других выступлениях Асеева: «...ряд имен из символических кругов, отказавшихся от “веры”, засосан черной тиной асоциального болота, и голос их перестал быть слышным совершенно. Эпигоны символизма — акмеисты пытались сохранить некоторое время довольное лицо в очень неудачной для них игре. До сих пор еще выходят сборники “Цеха поэтов”, где с самым убедительным видом поэтические пролежни символизма выдаются за его созревшие плоды. После Н. Гумилева среди акмеистов не осталось мало-мальски ценных в поэтическом масштабе имен. <...> продолжает “красиво тосковать” Анна Ахматова (“У самого моря”, “Лето господне”), но если это и нравится т. Осинскому, то, думаем, только потому, что в его-то характере тоскливость отсутствует совершенно: нравится в порядке контраста» (Асеев 1922: 14); «В теории искусства у каждого личное мнение: Осинский хвалит Ахматову, Бухарин — Пинкертона» (Асеев 1923b: 6). Ср. материал, подписанный псевдонимом (почти наверняка при соавторстве Сергея Третьякова, при известной вероятности и Владимира Силлова): «Маяковский производит чистку поэтов. Под оглушительный рокот одобрения “третьего сословия” летят на смарку “общепризнанные” и “академики”— бальмонты, брусовы, ахматовы,— весь заплесневевший российский Парнас. И под тот же гул восторга поверяют и зачисляют в поэты истинно-революционных мастеров слов — Асеева, Крученых, Каменского и других, у которых каждая

закорючка пера, — блестящий электромагнитный искровой разряд. <...> Стыдно все-таки, что у нас целые книги выпускают о “белых”, ахматовых и т. п. отставных генеральчиках от литературы. А вот о футуристах молчат, хотя о них должны быть написаны целые горы литературы. Издатели упорствуют, неудобно, говорят, как-то, не в почете» (Володин 1923: 25–26); ср. тревожные новости об идущем от НЭПа «неприкровенном натиске к внедрению в сознание дня вкусов и симпатий доброго старого времени. <...> часть отступает на задние позиции и отбрасывая волеорганизующую функцию искусства, поет камерные песенки а ля Ахматова» (Третьяков 1923: 75); ср. о «той резкой свежести и крепости, которые опахивают читателя с каждой страницы книг Б. Пастернака. Откуда они? Если он “интимист”, “личник”, поэт собственных отражений в мире, то почему так захватывающе цепка и крепка его строфа? Ведь и у Гумилева и у Ахматовой, в конце концов, был этот интимистский говорок, годный для аудитории в двадцать чувствительных сердец» (Асеев 1923а: 74); «Статья “Оригинальная поэзия Госиздата” — Родова и “Анна Ахматова” — Лелевича — запоздали и не быют по живому. Затрагиваемые в них факты уже общеизвестны и нашли оценку в других органах» (Асеев 1924: 209). В это время Д. П. Святополк-Мирский отзывался о нем как «футуристе, близком и к Пастернаку, и к Маяковскому (к сожалению, только очень не умном критике)» (Святополк-Мирский 2020: 106).

Лефовские установки подчиняли себе и последующие его высказывания — в статье 1924 года «Советская поэзия за шесть лет»: «Совершенно сошли на нет т. н. интимисты: Ахматова и ее эпигоны. Очевидно, модная одно время “романсная” традиция гложет вместе с однозначными с ней песенками из Изы Кремер» [Асеев 1967b: 182; Изабелла Яковлевна Кремер (1889–1956) — исполнительница «интимных песен», с 1919 года — в эмиграции]; ср. его рассуждения о поэтике, несовместимой с «сегодняшним днем»: «Гумилев, Ахматова, Бунин, Бальмонт — далеко не в силу только своих социальных симпатий — частью замолчали, частью отвергли сегодняшний день» (Асеев 1929: 62); о его отношении к наследию Гумилева см.: (Тименчик 2017: 558, 560, 606; Тименчик 2018: 53, 201).

«Одна из строк этого стихотворения — “Стихов твоих сот тяжел...” — неожиданно воспроизводит древнейшую, однако в поэтике акмеизма приобретающую особое значение образность «поэтического меда» (Мейлах 2024: 258) — ср. о чтении стихотворения вслух: «АА сказала сначала “мед”, потом поправила себя: “сот”» (Лукницкий 1997: 257). Для Асеева, судя по всему, принадлежность Ахматовой к группе, направлению, методу была ее неотъемлемой чертой, поэтому «тяжелый сот» суммирует «Ах, тяжелые соты и нежные сети» (Мандельштам 1922: 55), «мед двухтысячелетний» (Гумилев 1916: 40), «Сладок был устам/ Черный душистый мед» (Ахматова 1921: 32).

По-видимому, если мы правильно понимаем письмо Бориса Пастернака Николаю Тихонову от 24 апреля 1924 г., после вечера *Русского современ-*

ника Ахматова с Пастернаком были в гостях у Асеева: «Когда Ахматова про Вас сказала, будто собираетесь Вы порвать навсегда (я не помню выраженья) с писаньем стихов “сюжетных” и “о чем-нибудь”, я громко эту ее фразу подхватил и за Вас порадовался, и под налетом этой темы и закончился ночной чай у Асеева, где все мы до этого читали, радовались друг другу, сожалели о брошенных молодых наших путях, кляли отклоненья и собирались встретить утро решительно переменившимися к лучшему (т. е. ставши прежними и новыми в одно и то же время)» (Пастернак 1992: 140–141). Может быть, к этому посещению относится включение «на монашескую походящую Ахматовой» в число посетителей его квартиры, наряду с «нервически гордым Мандельштамом» и «огнеглазым Пастернаком» (Асеев 1930: 77). В поездке в Москву весной 1926 года «АА Асеева в Москве не видела и сожалела об этом» (Лукницкий 1997: 58); о какой-то из встреч «Ахматова рассказывала, что, когда, еще в двадцатых годах, она приехала в Москву с Пуниным и они вместе появились в каком-то литературном доме, поэт Н. Н. Асеев первый заметил и эффектно возвестил хозяевам их приход: “Ахматова и с ней молодой Тютчев!”» (Петров 1988: 104).

Отзыв Ахматовой о стихотворениях Асеева, напечатанных в альманахе «Новые стихи» (1. Москва, 1926): «...одно неплохое. Другое — дрянь. В первом стихе Асеева (“Курские края”) очень нехорошо беспомощное подражание Пастернаку — в приеме, каким описывается дом (очеловечивание его)» (Лукницкий 1997: 173) — ср.:

Дом стоял у города на въезде,
окнами в метелицу и мглу,
близостью созвездий
думалось и бредилось ему.
Зоревое пламя
было в стеклах,
плыл рекой туман,
дом дышал густыми коноплями,
свежестью, сводящею с ума.
Он хотел крыльцом скрипучим дергать,
хлопать ставней, крышей грохотать,
дом хотел шататься от восторга,
что вокруг такая благодать... и т. д.

(Асеев 1967а: 272).

Одобренное стихотворение:

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрека и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую,—
 все нежней и все тесней,—
 что, назвавшись мне Оксаною,
 шла ветрами по весне и т. д.

(Асеев 1967а: 176–177).

В 1940 году, когда выдвинули на Сталинскую премию ахматовский сборник *Из шести книг*, за него

«горячо ратовали <...> А. Н. Толстой и Н. Н. Асеев, которых поддерживал А. А. Фадеев, да и остальные члены секции были твердо “за”. Потом вдруг что-то произошло. <...> после чего Фадеев не без смущения предложил секции снять кандидатуру Ахматовой, потому что она “все равно не пройдет на пленуме”» (Виленкин: 342–343); «Премии должен был получить Н. Асеев за поэму “Маяковский начинается”. Пошли доносы и все, что полагается в этих случаях. “Из шести книг” была запрещена и выброшена из книжных лавок и библиотек» (Ахматова 1989: 6).

Во время намечавшегося «полного усыновления» поэтессы (Ахматова 1996: 231) Асеев причислил ее к лучшим из прошлого поколения:

«Страстная жажда нового, готовность встать на его защиту, воплощение этой новизны в изменившихся судьбах своей земли придали новую значительность советской поэзии. Маяковский был душой этой новой традиции. Даже старейшие поэты поколения, лучшие из них, как Блок и Ахматова, переходили от личных ощущений своего бытия к широким связям себя со страной, с её судьбами. Конечно, они были и связаны с этими судьбами и без влияния Маяковского. Конечно, они знали в полной мере законы своего языка. Но новый язык поколения все же введён был в обиход поэзии Маяковским так же, как новый язык поэзии своего века впервые был законодательствован Пушкиным» (Асеев 1945).

Но после ждановского постановления Асеев вспомнил о групповой солидарности, когда надо было выгородить проштрафившегося левовца:

«Николай Семенович [Тихонов] в виде примера идеологической работы своей приводил случай с Кирсановым. Разговор с человеком о поэме не отразился на дальнейшей работе над поэмой и лишней раз только подчеркнул разницу вкусов. Ну, а был ли разговор хотя бы о разнице вкусов у Тихонова с Ахматовой? Об этом мы не слышали. Был ли разговор хотя бы о разнице вкусов с Зощенко? Об этом мы не знаем. Значит, предупреждая Кирсанова, что он не по вкусу, Тихонов этот вкус свой ничему другому противопоставил, никого иного об опасности сползания в антисоветскую литературную тряси-ну, в безыдейную пустоту не предупреждал» (Асеев 1946: 9).

В 1956 году Ахматова отнеслась о геронтологическом, украшенном молодецкой лесенкой Маяковского, стихотворении Асеева «Зрелость» из его подборки *Поздняя лирика*:

Мозг извилист,
 как грецкий орех,

когда снята с него скорлупа;
с тростником
 пересохнувших рек
схожи кости руки
 и стопа.

Мы росли,
 когда день наш возник,
когда волны
 взрывали песок;
мы взошли,
 как орех и тростник,
и гордились,
 что день наш высок!
<...> докажи,
 что слова — не вода,
времена —
 не иссохший песок,
что высокая
 зрелость плода
в человечесий
 вместилась висок! <...>

(Асеев 1956а: 13).

«Асеев принадлежит к тому поколению поэтов, которое выступило как молодое, молодость была главным признаком школы, и они были уверены, что молодость будет принадлежать им всю жизнь. А теперь, когда они несомненно старые, они никак не могут с этим освоиться» (Чуковская 1997а: 177).

Следующим асеевским выступлением в послесталинском литературном процессе было стихотворение «Памятник» — «Не стихи, а рифмованное заявление в Моссовет» (Чуковская 1997а: 86):

Нанесли мы венков — не пройти, не проехать,
раскатали стихов долгозвучное эхо;
удивлялись глазастости, гулкости баса,
называли певцом победившего класса;
объявили о памятнике всему свету,
да вот все как-то времени нет Моссовету.
А тому Новодевичий вид не по нраву:
не ему посвящал он стихов своих славу.
Не по нраву тому за стеною жилище;
и прошла его тень сквозь ограду кладбища.
Разве сердце, гремевшее жарко и бурно,
успокоила б эта безмолвная урна?
Разве плечи такого тугого размаха
уместились бы в этом вместилище праха?
И тогда он своими большими руками
сам на площади этой стал выращивать камень.

Камень вздыбился, вырос огромной скалою
и прорезался прочной лицевою скулою,
две ноги — две колонны могучего торса,
головой непреклонной в стратосферу уперся
и пошел он, шагая по белому свету,
проводить на земле резолюцию эту:
чтобы всюду — на месте помоек и свалок
разлилось бы дыхание пармских фиалок,
где жестянки и щебень, тряпье и отбросы —
распылались бы влажно индийские розы,
чтобы радугой радость — звуки и краски,
чтобы всем бы хватало одеяла и ласки,
чтобы каждый был доброй судьбою отмечен,
чтобы мир этот дьявольский стал человечен!

(Асеев 1956b: 542–543; правленный вариант, без упоминания Моссовета: Асеев 1967a: 368–369); Новодевичий вид — Маяковский похоронен на Новодевичьем кладбище; «дыхание пармских фиалок», *Viola odorata*, которые помянуты и в *Поэме без героя* («горы пармских фиалок в апреле»), отсылает к «Парижанке» Маяковского:

Почему
не шлют вам
пармских фиалок
благородные мусью
от полного кошелька?

(Маяковский 1958: 65).

В 1960-е годы Ахматова и Асеев обозначают некие полюса в текущей советской поэзии:

«...я лично, говоря о современном мышлении в поэзии, не мог бы обойти и таких (тоже очень разных) поэтов, как Асеев и Ахматова, Заболоцкий и Мартынов, Винокуров и Самойлов» (Сарнов 1963).

В августе 1962 года Ахматова спросила: «Читали вы статью Асеева? Да-да, о Вознесенском, Ахмадулиной и др. Мне кажется, что он сколачивает второй ЛЕФ...» (Глёкин 2015: 190). В этой статье Асеев писал, адвокатски отгораживая молодых, часто порицаемых поэтов от компрометирующих их учителей и снабжая их официально одобренным протектором:

«И напрасно, я думаю ищут критики, пусть даже благожелательные, черты сходства у Вознесенского с Пастернаком или Цветаевой. Утверждающие это просто ищут в альбоме поэтических обликов похожесть на то или иное дарование, также необъяснимое сразу. А ведь уж если отыскивать черты родоначального поэтического свойства, то это больше всего напоминает стилистическую манеру Маяковского: тот же неуспокоенный, внетрадиционный стих, то же стремление выразить мысль своими средствами, не заимствуя их у других, свободное обращение со строкой в ее ритмическом и синтаксическом разнообразии. Но главное общее — это повышенная впечатлитель-

ность от видимого и ощущаемого. И в этом не совпадение, а продолжение культуры новой поэзии, ею возвращенной и выпестованной. Это именно продолжение. А никак не подражание Маяковскому. Вот поднимаются разговорчики о том, что культура стиха, выношенная Маяковским, не имеет продолжения. Неправда. Это неправда, идущая от лени и консерватизма, привычки к бывалому, когда-то безусловному для вкуса. А вот Вознесенский, да и не только он один, а и Еvtушенко, и Соснора, и Ахмадулина показывают, что культура Маяковского сильнее в своих продолжателях, чем у подражателей любого течения русского стиха» (Асеев 1962).

Однако вскоре, после угроз и брани, обрушенных Н. С. Хрущевым на А. А. Вознесенского, обидевшись на то, что в визировании парижского интервью Вознесенский не проследил, чтобы имя Асеева сохранилось (Вознесенский 1998: 24–25, 79–80) и апеллируя к публичному доносу Ванды Василевской о том, что в этом интервью Пастернак и Ахмадулина была поставлены рядом с Лермонтовым, он в печатном отклике на встречу руководства страны с т. н. творческой интеллигенцией, написал, отзывая свои предыдущие аттестации и попрекая коллегу строчкой «Апокалипсисом воет саксофон!»:

«Никому не запрещено, конечно, сравнивать себя с Маяковским и даже считать себя заменителем его значения в советской поэзии. Но это самозатверждение, к сожалению, основано на одном желании — отличиться, выдвинуться из той революционной традиции, которая уже сформировалась за советское время в нашей поэзии. <...> И вот получается, что погоня за славой личной, славой своей, а не славой своего народа, своей страны, делает голоса этих молодых писателей крикливыми, как звуки саксофона. Зачем это надо им? Неужели для того, чтобы не походить на других? Неужели объявлять знакомую поэтессу равной по силе Лермонтову не вызывает усмешки у самого заявляющего это автора? А ведь автор вовсе не бездарен. И в этом-то большая его ответственность перед народом, чем тех, у которых голоса мало слышимы молодежи» (Асеев 1963).

В 1964 году Ахматова сказала: «Я слышала о нем только дурное» (Лесневский 1996); ср. ее слова 1963 года о самоубийстве Цветаевой: «Ее дочь Ариадна Сергеевна винит во всем Асеева. Она считает его чуть ли не убийцей. Конечно, и он хорош... Как бы вам понравилось, если бы вам написали: “Угрозами самоубийства Вы меня не запугаете”? Но Асеев был не один. Ведь в Чистополе был и Пастернак» (Бобышев 2003: 316) — ср. письмо А. С. Эфрон к Пастернаку от 1 октября 1956 г.: «Для меня Асеев — не поэт, не человек, не враг, не предатель — он убийца, а это убийство — похуже Дантесова» (Эфрон 1989: 455); ср. признание Асеева Надежде Павлович в 1950-е годы, когда она увидела его молящимся в церкви в Юрмале: «А знает ли она, о чем он молился?! Он очень виноват перед Мариной, очень во многом виноват...» (Белкина 1992: 489).

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев Николай. «Поэзия наших дней». *Авангард* 1 (1922).
- Асеев Николай. «Организация речи». *Печать и революция* 6 (1923а).
- Асеев Николай. Арватов Борис, Брик Осип, Кушнер Борис, Маяковский Владимир, Третьяков Сергей, Чужак Николай. «За что борется ЛЕФ?». *Леф* 1 (1923b).
- Асеев Николай. «Рец. на кн.: На Посту: еженедельный литературно-критический журнал. 1923. № 2–3». *Леф* 4 (1924).
- Асеев Николай. *Работа над стихом*. Ленинград: Прибой, 1929.
- Асеев Николай. *Проза поэта*. Москва: Федерация, 1930.
- Асеев Николай. «Два поэта». *Известия* 14 апреля 1945.
- Асеев Николай «Стенограмма заседания Президиума Союза Советских Писателей совместно с членами Правления, находящимися в Москве». 2 сентября 1946 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 772.
- Асеев Николай. «Зрелость». *Огонек* 3 (1956а).
- Асеев Николай. «Памятник». *Литературная Москва*. Литературно-художественный сборник московских писателей. Москва: ГИХЛ, 1956b.
- Асеев Николай «Как быть с Вознесенским?». *Литературная газета* 4 августа 1962.
- Асеев Николай. «Талант, труд, ответственность». *Правда* 12 марта 1963.
- Асеев Николай. *Стихотворения и поэмы*. Вступ. ст. и сост. А. Урбана; подгот. текста и примеч. А. Урбана и Р. Вальбе. Ленинград: Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967а.
- Асеев Николай. «Советская поэзия за шесть лет (1924)». *Вопросы литературы* 10 (1967b).
- Ахматова Анна. *Anno Domini MCMXXI*. Петроград: Petropolis, 1921.
- Ахматова Анна. «Автобиографическая проза». Вступ. статья, публ., подгот. текста, прим. Р. Д. Тименчика. *Литературное обозрение* 5 (1989): 3–10.
- Ахматова Анна. *Записные книжки (1958–1966)*. Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. Москва — Torino: Einaudi, 1996.
- Ахматова Анна. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 1. Стихотворения 1904–1941. Составление, подготовка текста, комментарии, статья Н. В. Королевой. Москва: Эллис Лак, 1998.
- Белкина Мария. *Скращение судеб: (Попытка Цветаевой, двух последних лет ее жизни...)*. Москва: Благовест — Рудомино, 1992.
- Берестов Валентин. «Прелесть милой жизни». *Вопросы литературы* 5–6 (2000).
- Бобышев Дмитрий. *Я здесь (Человекотекст)*. Москва: Вагриус, 2003.
- Вейдле Владимир. *Эмбриология поэзии. Введение в фоносемантику поэтической речи*. Париж: Institut d'Etudes Slaves, 1980.
- Вейдле Владимир. «О тех, кого уже нет». *Новый журнал* 192–193 (1993).
- Виленкин Виталий. *Воспоминания с комментариями*. Москва: Искусство, 1991.
- Вознесенский Андрей. *На виртуальном ветру*. Москва: Вагриус, 1998.
- Володин Сергей. «Перепутанные строки. Семинарий для начинающих по вопросам житейской практики футуризма». *Леф* 3 (1923).
- Герштейн Эмма. *Память писателя. Статьи и исследования 30–90-х годов*. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 2001.
- Глѣкин Георгий. *Что мне дано было... Об Анне Ахматовой. Из писем, дневниковых записей, воспоминаний о ней* / Сост. Н. Г. Гончаровой. Москва: ИЦ «Азбуковник», 2015.
- Гумилев Николай. *Колчан*. Петроград: Гиперборей, 1916.
- Лесневский Станислав. «...Известный профиль с гордо занесенной головой». *Литературная газета* 14 августа 1996.
- Мандельштам Осип. *Tristia*. Петербург-Берлин: Petropolis, 1922.
- Маяковский Владимир. *Полное собрание сочинений*. В 13 т. Т. 10. 1929–1930. Москва: ГИХЛ, 1958.
- Мейлах Михаил. «Альбом Ахматовой 10-х — начала 30-х годов». *Памятники культуры. Новые открытия. 1991*. Москва: Наука, 1997.
- Мейлах Михаил. *Поэзия и миф. Избранные статьи*. 3-е изд., доп. Москва: Издательский дом Языка славянской культуры, 2024.

- Мешков Юрий. *Николай Асеев: творческая индивидуальность и идейно-художественное развитие*. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987.
- Пастернак Борис. *Собрание сочинений*. В 5 т. Т. 5. Письма. Составление и комментарии Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. Москва: Художественная литература, 1992.
- Петров Всеволод. «Фонтанный дом». *Наше наследие* 4 (1988).
- Сарнов Борис. «Размышления о “современном мышлении” в поэзии». *Литературная газета* 28 февраля 1963.
- Святополк-Мирский Дмитрий. *Русское письмо. Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи/* сост., подг. текстов, примеч. и вступ. ст. В. В. Перхина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020.
- Тименчик Роман. «Заметки об акмеизме». *Russian Literature* 7–8 (1974).
- Тименчик Роман. «Об одном письме Анны Ахматовой». *Звезда* 9 (1991).
- Тименчик Роман. «Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой». *Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. Материалы конференции. Иерусалим 2003*. Москва: Водолей, 2008.
- Тименчик Роман. *Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы*. Т. 1. Москва: Мосты культуры, 2014а.
- Тименчик Роман. *Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы*. Т. 2. Москва: Мосты культуры, 2014б.
- Тименчик Роман. *Подземные классики. Иннокентий Анненский. Николай Гумилев*. Москва: Мосты культуры, 2017.
- Тименчик Роман. *История культа Н. Гумилева*. Москва: Мосты культуры, 2018.
- Тименчик Роман. «Из Именного Указателя к “Записным книжкам” Анны Ахматовой (Велимир I)». *Зборник Матице српске за славистику* (Нови Сад) 100 (2021а).
- Тименчик Роман. «Из Именного Указателя к “Записным книжкам” Анны Ахматовой. Два итальянца». *Slavica Revalensia* (Таллинн) VIII (2021b).
- Тименчик Роман. «Из именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой: Георгий Адамович». *Летняя школа по русской литературе 19/3–4* (2023).
- Тименчик Роман. «Из личного архива. Альбом Бориса Анрепа». *От Шолом-Алейхема до Ивана Бунина*. Под ред. В. Хазана. 2-е изд. Москва: Пробел-2000, 2004.
- Третьяков Сергей. «Лэф и Неп». *Лэф* 2 (1923).
- Чуковская Лидия. *Записки об Анне Ахматовой*. Т.2. Москва: Согласие, 1997а.
- Чуковская Лидия. *Записки об Анне Ахматовой*. Т.3. Москва: Согласие, 1997б.
- Эфрон Ариадна. *О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери*. Москва: Советский писатель, 1989.

REFERENCES

- Ahmatova Anna. *Anno Domini MCMXXI*. Petrograd: Petropolis, 1921.
- Ahmatova Anna. «Avtobiograficheskaya proza». Vstup. stat'ya, publ., podgot. teksta, prim. R. D. Timenchika. *Literaturnoe obozrenie* 5 (1989): 3–10.
- Ahmatova Anna. *Zapnysnye knizhki (1958–1966)*. Sost. i podgot. teksta K. N. Suvorovoj; vstup. st. E. G. Gershtejn; nauch. konsul'tirovanie, vvodnye zametki k zapisnym knizhkam, ukazateli V. A. Chernyh. Moskva — Torino: Einaudi, 1996.
- Ahmatova Anna. *Sobranie sochinenij*. V 6 t. T. 1. Stihotvoreniya 1904–1941. Sostavlenie, podgotovka teksta, kommentarii, stat'ya N. V. Korolevoj. Moskva: Ellis Lak, 1998.
- Aseev Nikolaj. «Poeziya nashih dneij». *Avangard* 1 (1922).
- Aseev Nikolaj. «Organizaciya rechi». *Pechat' i revolyuciya* 6 (1923а).
- Aseev Nikolaj. Arvatov Boris, Brik Osip, Kushner Boris, Mayakovskij Vldimir, Tret'yakov Sergej, CHuzhak Nikolaj. «Za chto boretsya LEF?». *Lef* 1 (1923b).
- Aseev Nikolaj. «Rec. na kn.: Na Postu: ezhenedel'nyj literaturno-kriticheskij zhurnal. 1923. №2–3». *Lef* 4 (1924).
- Aseev Nikolaj. *Rabota nad stihom*. Leningrad: Priboj, 1929.
- Aseev Nikolaj. *Proza poeta*. Moskva: Federaciya, 1930.

- Aseev Nikolaj. «Dva poeta». *Izvestiya* 14 aprelya 1945.
- Aseev Nikolaj. «Stenogramma zasedaniya Prezidiuma Soyuzu Sovetskikh Pisatelej sovместno s chlenami Pravleniya, nahodyashchimisya v Moskve». 2 sentyabrya 1946 g. RGALI. F. 631. Op. 15. Ed. hr. 772.
- Aseev Nikolaj. «Zrelost'». *Ogonek* 3 (1956a).
- Aseev Nikolaj. «Pamyatnik». *Literaturnaya Moskva. Literaturno-hudozhestvennyj sbornik moskovskih pisatelej*. Moskva: GIHL, 1956b.
- Aseev Nikolaj. «Kak byt' s Voznesenskimi?» *Literaturnaya gazeta* 4 avgusta 1962.
- Aseev Nikolaj. «Talant, trud, otvetstvennost'». *Pravda* 12 marta 1963.
- Aseev Nikolaj. *Stihotvoreniya i poemy*. Vstup. st. i sost. A. Urbana; podgot. teksta i primech. A. Urbana i R. Val'be. Leningrad: L. O. izd-va «Sovetskij pisatel'», 1973a.
- Aseev Nikolaj b «Sovetskaya poeziya za šest' let» (1924). *Voprosy literatury* 10 (1967).
- Belkina Mariya. *Skreshchenie sudeb: (Popytka Cvetaevoj, dvuh poslednih let ee zhizni...)*. Moskva: Blagovest — Rudomino, 1992.
- Berestov Valentin. «Prelest' miloj zhizni». *Voprosy literatury* 5–6 (2000).
- Bobyshchev Dmitriy. *Ya zdes' (Chelovekotekst)*. Moskva: Vagrius, 2003.
- Chukovskaya Lidiya. *Zapiski ob Anne Ahmatovoj*. T. 2. Moskva: Soglasie, 1997a.
- Chukovskaya Lidiya. *Zapiski ob Anne Ahmatovoj*. T. 3. Moskva: Soglasie, 1997b.
- Efron Ariadna. *O Marine Cvetaevoj. Vospominaniya docheri*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1989.
- Gershtejn Emma. *Pamyat' pisatelya. Stat'i i issledovaniya 30–90-h godov*. Sankt-Peterburg: INAPRESS, 2001.
- Glyokin Georgij. *Chto mne dano bylo... Ob Anne Ahmatovoj. Iz pisem, dnevnikovyh zapisej, vospominanij o nej* /sost. N. G. Goncharovoj. Moskva: IC «Azbukovnik», 2015.
- Gumilev Nikolaj. Kolchan. Petrograd: Giperborej, 1916.
- Lesnevskij Stanislav. «...Izvestnyj profil' s gordo zanesennoj golovoj». *Literaturnaya gazeta* 14 avgusta 1996.
- Mandel'shtam Osip. *Tristia*. Peterburg-Berlin: Petropolis, 1922.
- Mayakovskij Vladimir. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 13 t. T. 10. 1929–1930. Moskva: GIHL, 1958.
- Mejlaj Mihail. «Al'bom Ahmatovoj 10-h — nachala 30-h godov». *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. 1991*. Moskva: Nauka, 1997.
- Mejlaj Mihail. *Poeziya i mif. Izbrannye stat'i*. 3-e izd., dop. Moskva: Izdatel'skij dom Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2024.
- Meshkov Yuriy. *Nikolaj Aseev: tvorcheskaya individual'nost' i idejno-hudozhestvennoe razvitie*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1987.
- Pasternak Boris. *Sobranie sochinenij*. V 5 t. T. 5. Pis'ma. Sostavlenie i kommentarii E. V. Pasternak i K. M. Polivanova. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1992.
- Petrov Vsevolod. «Fontannyj dom». *Nashe nasledie* 4 (1988).
- Sarnov Boris. «Razmyshleniya o "sovremennom myshlenii" v poezii». *Literaturnaya gazeta* 28 fevralya 1963.
- Svyatopolk-Mirskij Dmitriy. *Russkoe pis'mo. Stat'i. Recenzii. Portrety. Nekrologi*/sost., podg. tekstov, primech. i vstup. st. V. V. Perhina. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2020.
- Timenchik Roman. «Zametki ob akmeizme». *Russian Literature* 7–8 (1974).
- Timenchik Roman. «Ob odnom pis'me Anny Ahmatovoj». *Zvezda* 9 (1991).
- Timenchik Roman. «Iz Imennogo ukazatelya k "Zapisnym knizhkam" Ahmatovoj». *Puti iskustva: Simvolizm i evropejskaya kul'tura XX veka. Materialy konferencii*. Ierusalim 2003. Moskva: Vodolej, 2008.
- Timenchik Roman. *Poslednij poet. Anna Ahmatova v 1960-e gody*. T. 1. Moskva: Mosty kul'tury, 2014 a.
- Timenchik Roman. *Poslednij poet. Anna Ahmatova v 1960-e gody*. T. 2. Moskva: Mosty kul'tury, 2014b.
- Timenchik Roman. *Podzemnye klassiki. Innokentij Annenskij. Nikolaj Gumilev*. Moskva: Mosty kul'tury, 2017.
- Timenchik Roman. *Istoriya kul'ta N. Gumileva*. Moskva: Mosty kul'tury, 2018.

- Timenchik Roman. «Iz Imennogo Ukazatelya k “Zapisnym knizhkam” Anny Ahmatovoj (Velimir I)». *Zbornik Matice srpske za slavistiku* (Novi Sad) 100 (2021a).
- Timenchik Roman.b. «Iz Imennogo Ukazatelya k “Zapisnym knizhkam” Anny Ahmatovoj. Dva ital’yanca». *Slavica Revalensia* (Tallinn) VIII (2021b).
- Timenchik Roman. «Iz imennogo ukazatelya k “Zapisnym knizhkam” Ahmatovoj: Georgij Adamovich». *Letnyaya shkola po russkoj literature* 19/3–4 (2023).
- Timenchik Roman. *Iz lichnogo arhiva. Al’bom Borisa Anrepa. Ot SHolom-Alejhema do Ivana Bunina*. Pod red. V. Hazana. 2-e izd. Moskva: Probel-2000, 2004.
- Tret’jakov Sergej. «Lef i Nep». *Lef* 2 (1923).
- Vejdle Vladimir. *Embriologiya poezii. Vvedenie v fonosemantiku poeticheskoj rechi*. Parizh: Institut d’Etudes Slaves, 1980.
- Vejdle Vladimir. «O tekh, kogo uzhe net». *Novyj zhurnal* 192–193 (1993).
- Vilenkin Vitalij. *Vospominaniya s kommentarijami*. Moskva: Iskusstvo, 1991.
- Volodin Sergej. «Pereputannye stroki. Seminarij dlya nachinayushchih po voprosam zhitejskoj praktiki futurizma». *Lef* 3 (1923).
- Voznesenskij Andrej. *Na virtual’nom vetru*. Moskva: Vagrius, 1998

Роман Тименчик

ИЗ ИМЕНСКОГ РЕГИСТРА УЗ БЕЛЕЖНИЦЕ
АНЕ АХМАТОВЕ (НИКОЛАЈ АСЕЈЕВ)

Резиме

Ослањајући се на помињање песника Николаја Асејева у Ахматовљевој бележници, запис доноси реконструкцију њихових књижевних односа.

Кључне речи: Ана Ахматова, албум, Николај Асејев.